

Глава 10 Архангельск

Подробно гиганту, замурованному в пещере, куда свет и воздух проникают сквозь крохотное отверстие, Московское государство с его громадными пространствами суши располагало лишь одним морским портом – Архангельском на Белом море. Этот единственный порт, удаленный от центральных областей России, лежал всего в 130 милях от полярного круга и на шесть месяцев в году замерзал. Но зато Архангельск был русским портом. Во всем царстве только здесь мог молодой монарх, опьяненный мечтой о кораблях и океанах, воочию увидеть крупные морские суда и вдохнуть соленый воздух. Ни один из царей никогда не бывал в Архангельске, но никто из них и не интересовался мореплаванием. Двадцать семь лет спустя, в 1720 году, сам Петр так рассказывал об этом в предисловии к Морскому уставу: «...и там [на Плещеевом озере]... охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало, то ездил на Кубенское озеро, но оно ради мелкости не показалось. Того ради уже положил свое намерение прямо видеть море, о чем стал просить матери своей, дабы мне позволила, которая хотя обычаем любви матерней в сей опасный путь многократно возбраняла, но потом, видя великое мое желание и неотменную охоту, и не хотя позволила».

Впрочем, прежде чем согласиться на его просьбы, Наталья взяла с сына (о котором говорила не иначе как «моя жизнь и надежда») обещание, что он не станет плавать по морю.

11 июля 1693 года Петр выехал из Москвы в Архангельск со свитой из ста человек, среди которых были Лефорт и многие из членов Всеппянейшего собора, а также восемь певцов, два карлика и сорок стрельцов для охраны. По прямой до Архангельска было шестьсот миль, но на самом деле весь путь по суше и по рекам составлял почти тысячу миль. Первые триста ехали мимо Троицкого монастыря, Переславля и Ростова, переправились через Волгу в Ярославле и достигли оживленной Вологды, южного перевалочного пункта архангельской торговли, где погрузились на приготовленную для них флотилию больших, ярко разукрашенных барж. Остаток пути шел по реке Сухоне до слияния ее с Двиной, а потом по Двине на север, в Архангельск. Баржи двигались медленно, хотя и плыли вниз по течению. Весной, в половодье, петровские корабли прошли бы здесь беспрепятственно, но теперь был разгар лета, реки обмелели – время от времени даже баржи начинали царапать дно, и тогда приходилось тащить их волоком. Через две недели флотилия добралась до Холмогор, административного центра и местопребывания епископа северного края. Здесь царя встречали колокольным звоном и угощением. С трудом вырвавшись из гостеприимных Холмогор, он проплыл последние мили вниз по реке и наконец увидел сторожевые башни, пакгаузы, доки, корабли – Архангельский порт!

Архангельск стоял не на самом берегу Белого моря, а в тридцати милях вверх по реке, так что порт замерзал даже раньше, чем соленые морские воды у побережья. С октября по май Двина была скована крепким, как сталь, ледяным панцирем. Но весной, когда сперва у берегов Белого моря, а потом и вверх по рекам начинал таять лед, Архангельск оживал. Баржи, нагруженные в Центральной России мехами, шкурами, пенькой, свечным салом, пшеницей, икрой, поташом, бесконечной чередой тянулись на север, вниз по Двине. Одновременно сквозь тающие плавающие льды, огибая мыс Нордкап, пробивались к Архангельску первые торговые суда из Лондона, Амстердама, Гамбурга и Бремена под охраной военных кораблей на случай встречи с вездесущими французскими пиратами. В трюмах они везли шерсть и хлопчатобумажные ткани, шелка и кружева, золотую и серебряную утварь, вина и красители для тканей. В лихорадочном оживлении архангельского лета можно было увидеть, как сразу не меньше сотни иностранных кораблей, бросив якорь на реке, разгружают свои товары и берут на борт грузы из России.

Хотя дни проходили в напряженной суете, летнее житье в Архангельске несло с собой массу удовольствий для чужеземцев. В конце июня, когда солнце светит двадцать один час в сутки, все спали недолго. Город великолепно снабжался свежей рыбой и дичью. Добытую в море лососину коптили, солили и отправляли в Европу или внутрь страны, но в

Архангельске ее можно было вволю поесть свежесвыловленной. Реки кишели пресноводной рыбой – окунями, щуками и нежными молодыми угрями. Битая птица и оленина продавались во множестве и дешево: куропатку величиной с индюка покупали за два английских пенса. Были там и зайцы, и утки, и гуси. Поскольку из Европы приплывало множество кораблей, то датское пиво, французские вина и коньяки имелись в неограниченном количестве, правда, стоили они дорого из-за русских таможенных пошлин. В Архангельске действовала Голландская реформатская церковь и Лютеранская; устраивались здесь балы и пикники, непрестанно мелькали все новые капитаны и офицеры.

Молодого Петра, тянувшегося к Западу и европейцам, увлеченного морем, все здесь восхищало: и сам океан, уходивший за горизонт, и сменявшие друг друга приливы и отливы, и соленый морской воздух, и запах канатов и смолы возле причалов, и множество пришвартованных кораблей с мощными корпусами из дуба, высокими мачтами, убранными парусами, и деловитая суতোлка оживленного порта со снующими во все стороны лодками, с пристанями и пакгаузами, ломившимися от диковинных товаров, где сталкивались друг с другом купцы, морские капитаны и матросы из разных стран.

Петр мог наблюдать почти всю картину жизни архангельского порта из дома, приготовленного ему на Мосеевом острове. В первый же день, забыв данное Наталье обещание, он загорелся желанием выйти в море. Устремившись к причалу, он взбежал на борт маленькой двенадцатипушечной яхты «Святой Петр», построенной специально для царя, обследовал корпус и оснастку и стал с нетерпением ждать случая испытать судно, выйдя из устья Двины в открытое море.

Случай представился очень скоро. В Европу отплывал караван голландских и английских торговых судов, и царь на «Святом Петре» собрался в составе конвоя проводить его через Белое море до пределов Ледовитого океана. При попутном ветре и течении корабли подняли якоря, распустили паруса и направились вниз по реке, мимо двух приземистых фортов, охранявших подступы с моря. К полудню впервые в истории русский царь уже плыл по соленым морским волнам. Невысокие сопки и леса отступали все дальше, и скоро Петра окружали лишь резвящиеся волны; корабли то вздымались, то проваливались в темно-зеленые воды Белого моря, поскрипывали мачты, и свистел в снастях ветер.

Слишком быстро, как показалось Петру, конвой достиг тех пределов на севере, где Белое море, расширяясь, переходит в безбрежный Северный Ледовитый океан. С неохотой Петр повернул назад. Из Архангельска он написал матери письмо, зная, что слух о его плавании не замедлит дойти до Москвы. Поэтому он попытался заранее успокоить ее, не говоря впрямую о своем морском походе: «Изволила ты писать ко мне с Василием Соймоновым, что я тебя, государыню, опечалил тем, что о приезде своем не отписал. И о том и ныне подлинно отписать не могу, для того что дажидаюсь кораблей; а как ане будут, о том никто не ведает, а ожидают вскоре, потому что болше трех недель отпущены из Амстердама, а как оне будут, и я... поеду тот час день и ночь. Да о едином милости прошу: чего для изволишь печалитца обо мне? Изволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божией и такова пастыря имеючи, почто печаловать?»

Довод был убедительный, но Наталье от этого спокойнее не стало. Она написала Петру, умоляя его помнить обещание и оставаться на берегу, и торопила с возвращением в Москву. Она даже приложила письмо от имени трехлетнего сына Петра, Алексея, в котором тот поддерживал просьбу бабушки. Петр несколько раз отвечал ей, что беспокоиться не нужно: «По письму твоему ей-ей зело опечалился, потому что тебе печаль, а мне какая радость? Пожалуй, зделай меня беднова без печали тем: сама не печалься, а истинна не заживусь» и «Изволила ты, радость моя, писать, чтоб я писал почаще, и я и так на всякую почту приписываю сам, только виноват, что не все сам [еду]».

На самом деле Петр не собирался покидать Архангельск, пока из Амстердама не придет долгожданная торговая флотилия. Тем временем дни его проходили весело. Из окна дома на Моисеевом острове было видно, как вниз и вверх по реке плывут корабли. Он с любопытством облазал каждый корабль в порту, часами расспрашивал капитанов, взбирался

на мачты, чтобы получше рассмотреть такелаж, изучал конструкцию корабельного корпуса. Голландские и английские капитаны оказывали юному монарху пышный прием, приглашая выпить и отобедать с ними на борту. Говорили о чудесах Амстердама, о Саардаме, центре кораблестроения, о мужестве голландских матросов и солдат, с каким они отражали посягательства французского короля Людовика XIV на их страну. Скоро Голландия сделалась страстью Петра, и царь расхаживал по архангельским улицам в костюме голландского шкипера. Он с удовольствием сидел в кабаках, куря глиняную трубку, опустошал бутылку за бутылкой с убеленными сединами голландскими капитанами, которые плавали под началом легендарных адмиралов Тромпа и де Рейтера. Кроме того, вместе с Лефортом и товарищами он посещал бесчисленные обеды и танцевальные вечера в домах иноземных купцов. Но Петр находил и время поработать в кузнице и на токарном станке. Именно в этой поездке он начал вытачивать причудливую люстру из моржовой кости, которая теперь висит в Петровской галерее Эрмитажа. Он часто навещал церковь Ильи Пророка, и прихожане уже не удивлялись при виде царя, читающего Евангелие или поющего в хоре. Петру нравился архиепископ Холмогорский Афанасий, с которым он любил побеседовать после обеда.

К концу лета Петр решил на будущий год снова вернуться в Архангельск, но кое-что он задумал тут изменить. Его удручало, что, кроме его собственной маленькой яхты, в этом русском порту не было ни одного русского морского корабля с русскими моряками. Он собственноручно заложил киль судна побольше «Святого Петра» и приказал за зиму его полностью достроить. Кроме того, он решил обзавестись настоящим океанским кораблем и велел Лефорту и Виниусу заказать фрегат голландской постройки у бургомистра Амстердама, Николаса Витсена.

В середине сентября пришла наконец голландская торговая флотилия. Петр приветствовал ее и одновременно прощался с Архангельском, устроив роскошное празднество, организовать которое поручил Лефорту. Целую неделю шумели пиры, балы, гремели артиллерийские залпы с фортов и со стоявших на якоре кораблей. В Москву возвращались медленно. Баржи теперь плыли вверх по течению, и не животные, а люди тащили их за бечеву, бредя вдоль берега. Пока бурлаки старались изо всех сил, а баржи едва двигались, пассажиры сходили на берег и прогуливались вдоль лесных опушек, иногда подстреливая на обед диких уток и голубей. Всякий раз, когда флотилия проплывала мимо деревни, священник и крестьяне выходили к царской барже, чтобы поднести рыбу, крыжовник, кур, свежие яйца. Иногда, стоя по ночам на палубе, путешественники видели, как на берег из лесу выбегал волк. Когда они добрались до Москвы, была уже середина октября и в Архангельске выпал первый снег. Порт закрылся на зиму.

* * *

Той же зимой, после возвращения Петра в Москву, его постиг тяжелый удар. 4 февраля 1694 года, поболев всего два дня, умерла в сорок два года его мать, царица Наталья. Ей нездоровилось с тех пор, как она провела месяц на Плещеевом озере, где Петр демонстрировал свое умение ходить под парусом. Зимой у нее случился удар. Петр сидел на пиру, когда ему сообщили, что мать умирает. Он вскочил и поспешил к ее ложу. Он еще застал ее живой, говорил с ней и получил ее последнее благословение – и тут вошел патриарх и принялся выговаривать Петру за то, что тот явился в «немецком» костюме (который он, кстати, теперь носил постоянно), – дескать, это неуважение и оскорбление для царицы. Взбешенный Петр ответил, что у патриарха как у главы церкви должны быть дела и поважнее портновских забот, и, не желая продолжать спор, ринулся прочь. Он был у себя в Преображенском, когда пришло известие о смерти матери.

Кончина Натальи повергла Петра в глубокое горе. Несколько дней он не мог заговорить не разрыдавшись. Гордон приехал в Преображенское и нашел Петра «чрезвычайно опечаленным и удрученным». Похоронная процессия была величественна и торжественна,

но Петр отказался участвовать в похоронах матери. И только когда все кончилось, он в одиночестве пришел помолиться на ее могиле. Он писал в Архангельск Федору Апраксину: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука не может, купно же и сердце. Обаче вспоминаю апостола Павла, „яко не скорбети о таковых“ и Ездры „еже не возвратити день, иже мимо идее“, сие вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по воле своей творящу. Аминь. По сих [пор], яко Ной, от беды мало отдохнув и о невозвратном оставя, о живом пишу».

Дальше в письме шли инструкции по поводу строительства корабля в Архангельске, обмундирования матросов и других дел. В двадцать два года жизнь течет быстро и раны скоро заживают. Через пять дней Петр появился в доме Лефорта. Не было ни женщин, ни музыки, ни танцев, ни фейерверков, но Петр уже мог говорить о мирских делах.

Свою привязанность к матери Петр перенес на младшую сестру Наталью, жизнерадостную девушку, которая, даже не вполне понимая цели своего брата, всегда и всем сердцем его поддерживала. Она принадлежала к его поколению, и заграничные новшества вызывали ее любопытство. Однако после смерти царицы у Петра в семье не осталось твердой опоры: отец и мать мертвы, сводная сестра Софья заперта в монастыре. Была, правда, жена Евдокия, но он как будто совсем забыл и о ее чувствах, и о ее существовании. С уходом царицы Натальи исчезли последние узы, сдерживавшие порывы Петра. Он любил мать и старался угождать ей, но раздражение его все возрастало. В последние годы непрерывные ее попытки ограничить его свободу, пресечь стремление к новшествам и общению с иностранцами тяготили Петра. Теперь он был волен жить как хочет. Ведь Наталья, хоть на ней и сказались годы, проведенные в европейской атмосфере дома Матвеева, в основном осталась верна образу жизни старозаветной москвички. Ее кончина прервала последнюю прочную связь, соединявшую Петра с традициями прошлого. Только благодаря влиянию Натальи Петр еще участвовал в кремлевских церемониях. Через два с половиной месяца после ее смерти он появился вместе с Иваном на Пасху в большой придворной процессии, но это было в последний раз. С тех пор не существовало силы, способной заставить царя делать то, к чему у него не лежала душа.

* * *

Весной 1694 года Петр вернулся в Архангельск. На этот раз понадобилось двадцать две баржи, чтобы доставить его свиту в триста человек вниз по реке. Везли также двадцать четыре корабельные пушки, тысячу пищалей, множество бочек с порохом и еще больше бочек с пивом. Предвкушая новые плавания по морю, Петр на радостях произвел несколько старых друзей в высшие морские чины: Федора Ромодановского сделал адмиралом, Ивана Бутурлина – вице-адмиралом, а Патрика Гордона – контр-адмиралом. Кроме Гордона, никто из них сроду не бывал на корабле, а мореходный опыт Гордона сводился к пересечению Ла-Манша в каюте пассажирского судна. Сам Петр избрал звание шкипера, намереваясь принять командование голландским фрегатом, заказанным Витсену.

В Архангельске Петр отстоял благодарственный молебен в церкви Ильи Пророка, а затем сразу побежал на реку, чтобы увидеть свои корабли. Маленькая яхта «Святой Петр», полностью снаряженная и готовая выйти в море, стояла у пристани. Голландский фрегат еще не пришел, но судно, которое Петр заложил прошлым летом, было готово и ждало спуска на стапеле. Петр схватил кувалду, выбил подпорки и с наслаждением смотрел, как корпус корабля с плеском соскользнул на воду. Пока новое судно, окрещенное «Святым Павлом», оснащали мачтами и парусами, Петр решил не терять времени и побывать в Соловецком монастыре, расположенном на острове в Белом море. В ночь на 10 июня он взобрался на палубу «Святого Петра», взяв с собой архиепископа Афанасия, несколько близких друзей и небольшой отряд солдат. Они отплыли вместе с отливом, но в устье Двины их застиг штиль, и лишь на следующее утро корабль вышел в Белое море, гонимый все свежевшим ветром. Небо темнело, ветер крепчал, и в восьмидесяти милях от Архангельска на крохотное

суденышко обрушилась настоящая буря. Ветер с ревом рвал паруса с мачт, зеленые водяные горы перекатывались через палубу. Гигантские валы швыряли яхту то вниз, то вверх, грозя вот-вот перевернуть. Судовая команда – опытные моряки – молилась, сгрудившись в кучу. Пассажиры, сочтя, что они обречены, крестились и готовились к смерти. Насквозь промокший архиепископ с трудом пробирался среди них по уходящей из-под ног палубе, чтобы дать последнее причастие.

Петр, цеплявшийся за руль под ударами ветра и фонтанами брызг, причастился, но не потерял надежду. Всякий раз, когда корабль поднимало огромной волной и потом бросало в бездну, он боролся с рулем, стараясь поставить нос по ветру. Решимость Петра возымела действие. К нему с грехом пополам пробрался лоцман и прокричал в ухо, что нужно попробовать пробиться в гавань Унской губы. Вдвоем навалившись на руль, они направили судно в узкий проход между скал, захлестываемых кипящими валами, и вошли в бухту. Около полудня 12 июня, после суток сплошного кошмара, яхта бросила якорь в спокойных водах неподалеку от маленького Пертоминского монастыря.

Все, кто был на борту, отправились в шлюпках на берег, помолиться в благодарность за спасение в монастырской церкви. Петр наградил лоцмана деньгами, поднес монахам дары и оставил щедрые пожертвования. Затем, как символ своей личной благодарности, он собственными руками сколотил деревянный крест вышиной в десять футов и на плечах отнес на то место на берегу, где ступил на землю после сурового морского крещения. На кресте царь написал по-голландски: «Сей крест сооружен капитаном Питером летом 1694 года»⁴⁹.

Шторм бушевал за выходом из бухты еще три дня. 16 июня ветер стих, и Петр опять направил паруса к Соловкам, знаменитейшему монастырю на севере России. Там он пробыл три дня, которые, к удовольствию монахов, посвятил усердному поклонению святым. Затем по спокойным водам Петр вернулся в Архангельск, где его встретили восторженным ликованием друзья, узнавшие о шторме и встревоженные судьбой «Святого Петра» и его венценосного пассажира.

Через несколько недель новый корабль, заложенный Петром, был готов к выходу в море. Теперь, вместе с яхтой «Святой Петр», у царя было два океанских судна, а с приходом из Амстердама нового, построенного в Голландии, фрегата его флотилия увеличилась бы до трех кораблей! Наконец это радостное событие свершилось 21 июля, когда фрегат «Святое пророчество» вошел в устье Двины и стал на якорь возле Соломбалы. Этим прочным голландским военным кораблем с закругленным носом и сорока четырьмя пушками, опоясывавшими верхнюю и среднюю палубы, командовал шкипер Ян Флам, уже тридцать раз ходивший в Архангельск. Бургомистр Витсен, стремясь угодить царю, велел обшить каюты деревянными панелями, обставить изящной полированной мебелью, убрать шелковыми занавесами и красивыми коврами⁵⁰.

Петр был сам не свой от возбуждения. Едва корабль вошел в порт, он тут же кинулся к реке, взлетел на палубу, облазал и обползал на четвереньках каждый его дюйм от вантов до

⁴⁹ Спустя несколько лет Петр воспользовался своим почти сверхъестественным спасением от бури, чтобы обосновать необходимость поездки в Европу, которой противилась большая часть русского общества. Во время званого обеда у Бориса Шереметева он открыл, что в разгар бури дал обет Святому Петру, своему небесному покровителю: если ему будет даровано избавление, отправиться в Рим и там, в Вечном городе, на гробе апостола Петра, своего тезки, возблагодарить Господа. Теперь, утверждал царь, настало время исполнить обет.

Однако визит Петра в Рим, намечавшийся под конец Великого посольства, так и не состоялся. В 1698 году, когда царь был уже на пути в Рим, его срочно вызвали в Москву сообщением о новом стрельцком бунте.

⁵⁰ Кроме пушек и роскошного убранства, «Святое Пророчество» доставил в Россию еще один дар Европы. Когда судно встало на якорь в Архангельске, на корме его развевался огромный красно-бело-синий флаг Голландии. Петр, восхищенный кораблем и каждой его деталью в отдельности, немедленно решил, что флаг его флота должен быть похож на этот. Поэтому он взял за образец голландский флаг – три широкие горизонтальные полосы: сверху красная, посередине белая, внизу синяя – и просто поменял их местами. На русском флаге белый цвет оказался сверху, под ним синий и красный. Этот флаг вскоре и стал флагом Российской империи.

трюма. Вечером новый шкипер «Святого пророчества» дал на борту праздничный ужин, а на следующий день с восторгом писал Виниусу: «Ничто иное ныне мне писать, только, что давно желали, ныне в 21 день свершилось: Ян Флам в целости приехал, на котором каробле 44 пушки и 40 матрозоф. Пожалуй, поклонись всем нашим. Пространнее писать буду в настоящей почте; а ныне, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя, понеже при таких случаях всегда Бахус почитается, каторой своими листьями засланяет очи хотящим пространно писати».

Через неделю новый фрегат был готов к плаванию под началом нового капитана. Петр договорился, что его маленькая русская флотилия проводит до Ледовитого океана караван голландских и английских торговых судов, отплывающих домой. Перед выходом в море царь договорился, что все корабли будут придерживаться того порядка следования и сигналов, которые разработал он сам. Впереди шел новенький «Святой Павел» с адмиралом Бутурлиным на борту, за ним следовали четыре голландских корабля с русскими товарами. Дальше шел тоже новый петровский фрегат, и на нем плыли адмирал Ромодановский и сам царь в роли шкипера, или капитана (впрочем, Ян Флам был рядом); затем – четыре английских торговых корабля. Замыкала караван яхта «Святой Петр» под командованием генерала Гордона – новоиспеченного контр-адмирала. Его успехи в мореходстве оказались, мягко говоря, скромными: он едва не посадил судно на мель у крохотного островка, приняв кладбищенские кресты на берегу за мачты и реи шедших впереди кораблей.

Флотилия Петра сопровождала караван до мыса Святой Нос на Кольском полуострове, к востоку от Мурманска. Здесь Белое море, расширяясь, сливалось с серыми водами Северного Ледовитого океана. Петр рассчитывал заплыть подальше, но дул свежий ветер, и он, помня о предыдущем опыте, поддался на уговоры повернуть назад. Дали пять залпов в знак того, что эскорт возвращается, и иностранные корабли скрылись на севере за горизонтом. А все три очень скромных, по океанским меркам, петровских парусника пришли в Архангельск, где царь устроил прощальный пир; а 3 сентября он с сожалением выехал в Москву.

* * *

В сентябре того же 1694 года в широкой долине близ деревни Кожухово на берегу Москвы-реки развернулись последние и самые крупные маневры петровской армии в мирное время. На этот раз в них участвовало тридцать тысяч солдат: пехота, кавалерия, артиллерия и обоз – длинные вереницы телег с боеприпасами и провиантом. Участники маневров были разделены на две армии. Одной командовал Иван Бутурлин – она включала шесть стрелецких полков и многочисленные кавалерийские части. Противоположной стороной командовал Федор Ромодановский, потешный король Прешбургский, имевший под началом два петровских гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, и сверх того два полка регулярной армии и несколько отрядов ополчения, вызванных из столь удаленных от Москвы городов, как Владимир и Суздаль. Суть этой военной игры сводилась к тому, что армия Бутурлина должна была штурмовать потешную крепость на берегу реки, которую пытались бы оборонять силы Ромодановского.

Перед началом маневров Москву угостили волнующим зрелищем: обе армии промаршировали по городу к месту учений в парадной форме, в сопровождении полковых писарей, музыкантов и особого кавалерийского отряда карликов. Когда показался Преображенский полк, у москвичей дух захватило: впереди колонны, одетый рядовым артиллеристом, вышагивал царь. Народ, привыкший видеть царей во всем их торжественном величии и только с почтительного расстояния, не мог поверить своим глазам.

Участники маневров бились с жаром, который подогревался естественным соперничеством между стрелецкими и гвардейскими полками, старавшимися не ударить лицом в грязь перед царем. Рвались гранаты, рывкали пушки, и хотя стреляли холостыми зарядами, опаленных лиц и изувеченных тел хватало. Атакующая армия перебросила мост

через Москву-реку и принялась минировать крепость. Петр рассчитывал на длительную осаду, чтобы солдаты могли спокойно поупражняться в западных приемах подведения мин и контрмин под укрепления, но, к сожалению, воины не забывали при этом и Бахуса, и едва ли не каждый день заканчивался буйным пиршеством и попойкой. После одной из них солдаты атакующей стороны ощутили, что им сам черт не брат, и решились на внезапный штурм. Защитники крепости тоже испытывали душевный подъем, но обороняться были не в состоянии, так что форт был занят с легкостью. Столь поспешный исход предприятия разъярил Петра. На другой день он приказал победителям очистить крепость, отпустить всех пленных и запретил нападающим штурмовать снова, пока они сперва не заминируют стены по всем правилам и не проделают в них бреши. Приказ был выполнен, и на сей раз понадобилось три недели, чтобы взять форт совершенно так, как написано в учебнике.

Кожуховские маневры завершились в конце октября, и когда войска водворились на зиму в казармы, Петр стал обсуждать со своими советниками, как бы получше распорядиться этой армией на будущий год. Быть может, пришло время перестать играть в войну? Не пора ли обратить это новое выкованное им орудие против турок, с которыми Россия формально все еще находилась в состоянии войны? Письмо Гордона от декабря 1694 года свидетельствует о том, что какие-то шаги подобного рода рассматривались в ту зиму. «Я верю и надеюсь, – писал шотландец другу в Европу, – что ближайшим летом мы кое-что предпримем к выгоде христианства и наших союзников».